

The book cover features a close-up of a man's face on the left, looking directly at the viewer with a serious expression. He has dark hair, a light beard, and is wearing a black leather jacket and a silver chain necklace. On the right, a woman with long dark hair and light skin is shown from the chest up, wearing a bright yellow off-the-shoulder top. The background is dark and out of focus.

Мина
ДЖЕЛЬ

Прости,
что не могу
ТЕБЯ ЗАБЫТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

К Н И Г А 2

Тина Джель

**Прости, что не могу
тебя забыть. Книга 2**

<https://litres.ru/74404034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы познакомились на первом курсе института, и сразу влюбились друг в друга по уши.

Он - сын богатых родителей, я - обычная девочка из провинции.

Его родители поставили нам условия, которые оказались для меня неприемлемы. И мы наделали кучу глупостей, не оставив ни единого шанса нашим отношениям.

Спустя много лет мы снова встретились, и поняли, что чувств между нами всё та же бездна.

Вот только он - женат, я - несвободна. И куча ошибок в прошлом, которые не забыть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	64
Глава 11	73
Глава 12	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Тина Джель

Прости, что не могу тебя забыть. Книга 2

Глава 1

— Не понимаю почему я не могу поехать с тобой? — моя рука с помадой, висит в воздухе.

Я не ждала его так рано.

— Ты разве не у родителей? — палюсь безбожно.

— Они нас двоих приглашали. Не помнишь? — Аргх! — он это специально мне сейчас говорит?

Или я вновь надумываю себе лишнего?

Витя мой парень. Любит меня. Предложение вон сделал.

Бросаю быстрый взгляд на кольцо с бриллиантом, которое обещала ему никогда не снимать.

Он имеет полное право знать с кем я провожу свободное время. Особенно, если без него.

Делаю нечеловеческое усилие и, беспечно улыбаясь, говорю его отражению в зеркале:

— Сегодня юбилей свадьбы у моих студенческих друзей, такая своеобразная встреча выпускников... Тебе будет скучно... — короткими мазками наношу помаду на губы. Расту-

щёвываю её пальцем.

— У тебя всегда находятся дела поважнее меня, — делано ахает он.

А потом подходит совсем близко. Сжимает мою талию руками, отчего халат на груди распахивается, открывая взору его очаровательные бирюзовые кружавчики, купленные специально для сегодняшнего вечера. Интуитивно поправляю запах.

— Мне никогда не бывает с тобой скучно... — продолжает он, делая вид, что ничего не замечает, опираясь подбородком на моё плечо. Рассматривает моё отражение в зеркале.

Встречаюсь с ним взглядом, и чувствую укол вины за свою холодность.

— Там Марго будет, ты её не любишь... — подключаю тяжёлую артиллерию.

— Тем более... В последний раз, когда она приезжала, я неделю тебя не видел...

— Не придумывай, всего три дня...

— День за два, когда ты с ней, и молоко за вредность...

— Будет тебе молоко, — подхватываю его шутливый тон, и тяну за руку в комнату.

Он безропотно повинуется.

Нет, я очень хорошо к нему отношусь. Три года как-никак вместе. «А это вам не плюшки лопать» - любит говорить один мой знакомый и, по совместительству, друг моего бывшего, из-за встречи с которым я так сегодня волнуюсь.

Тогда, много лет назад, казалось, что сердце у меня из груди вырвали и там дыра осталась. Думала никогда уже не за­растёт.

Но, - нет. Затянулась . Даже личную жизнь вон получилось наладить.

Скидываю халат.

Дыхание за моей спиной мгновенно тяжелеет...

Улыбаюсь довольно.

Разве он не чудо?!

— Застегни..., — прошу, надев платье.

Горячие губы прижимаются между моих лопаток в тот са­мый момент, когда экран телефона вспыхивает сообщением от Марго:

«Жду тебя внизу».

— Не сейчас, Марго подъехала, — дотрагиваюсь до его ладони на своём плече.

Витя молча застёгивает молнию. Проводит пальцами по моей шее, и я уже даже знаю, что последует дальше...

— Ты очень красивая, — шепчет чуть подсевшим голо­сом.

Бинго!

— Постараюсь вернуться сегодня пораньше, — аккуратно выпутываюсь из его рук.

Каждый день себе повторяю, что должна быть безмерно счастлива, отхватив себе такого завидного жениха в своём предпенсионном возрасте.

— Рит, — удерживает он меня за плечи, — я записал нас на консультацию к врачу...

Поначалу не понимаю о чём речь. А когда до меня доходит, окатывает волной возмущения. Сжимаю зубы.

— А моим мнением поинтересоваться была не судьба? — поворачиваюсь к нему лицом.

— Я хочу ребёнка...Рит...

— Когда?

— На следующей неделе...

— Что за клиника?

— Лучшая, мне её друзья посоветовали, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. — Я уже беседовал с нашим врачом, он тебе понравится, вот увидишь...

— Хорошо, — обрываю его, и отворачиваюсь, когда он пытается поцеловать меня в губы, подставляя щёку. Нечего.

Выскакиваю в коридор, в висках стучит....

Адски неприятно, что он вот так всё решил, не посоветовавшись со мной.

— Как там Витюшка поживает, привет мне не передавал случайно? — подливает масла в огонь Марго.

Усмехаюсь.

Не любит она Витю.

— Ты там сегодня аккуратнее, Нинель беременна...

— Козлина твоя бывшая тоже будет?

— Сама разберусь, не лезь...

— Естественно, — кривит она губы в усмешке, — пока не

доехали, хочу чтобы ты мне клятвенно пообещала дорогая, что доченьку мою несовершеннолетнюю не оставишь одну, пока я буду срок отбывать за принудительное оскопление одного бешеного животного....

Я только закатываю глаза. Ничего не говорю. И не обижаюсь.

Марго единственная знает, с какими потерями я вышла из той своей безумной любви. Чудо, что жива осталась.

Но меня это больше не волнует. Всё в прошлом.

Задерживаюсь у зеркала, когда в ресторан заходим. Осматриваю себя внимательно со всех сторон.

Несколько циклов дыхания.

Широкий шаг от бедра.

Взгляд скользит по лицам гостей, сидящих за праздничным столом, безошибочно останавливаясь на нём.

Кожу покалывает мгновенно начинает. Везде. Эта неконтролируемая реакция моего организма на него, не поддаётся никакому объяснению и здравому смыслу.

В следующую секунду он встаёт со своего места. Наши глаза встречаются.

Кровь ударяет в виски. В лёгких воздух заканчивается, когда вспоминаю, как мы любовью с ним занимались...

Грёбанный татарин!

Глава 2

Айрат

По залу шепоток проносится, когда Рита с Марго появляются. Выдержка по швам трещит, как ни пытаюсь держаться.

Встаю.

Кох не раз предлагал мне фотографию её выслать. Я отказывался. Знал, что как бы она не изменилась за эти годы, в сердце моём она навсегда останется той самой девочкой, которую я больше жизни любил...

Зря отказывался по факту. Надо было подготовиться. Едва челюсть отвисшую успел подхватить.

От маленькой, худенькой, немного угловатой девочки, и следа не осталось. Навстречу мне идёт статуэтка, выполненная влюблённым в свою модель скульптором.

Стройная ножка, которую она демонстрирует при каждом своём шаге всем присутствующим, тонкая талия, моя любимая “двоечка”, что меня с ума когда-то сводили, ещё краше, кажется, стали.

И зелёный! Мать его, — зелёный!

Примерно в такого же цвета платье, она в СИЗО ко мне приходила. В тот последний день, когда меня любила. Я часто её в нём вспоминал...

Нет, вру...

Последний раз она любила меня в машине, когда я прие-

хал за ней, чтобы забрать с собой. Навсегда.

Потопанная некогда гордость — к чертям летит. Вечная мерзлота, что внутри все эти годы жила, подтаивать начинает, растекаясь по нутру жаром.

Наши глаза встречаются.

Я судорожно пытаюсь найти в них то, что видел раньше. Секунды тянутся. Сердце отбивает ритм.

Есть!

Блядь, есть!

Радость несмелыми всполохами бьётся о рёбра, пытаюсь вырваться наружу. Гашу эмоции.

Беги, Ритка!

Беги от меня, пока не поздно...

— Прекрасно выглядишь Айрат, — подходит она ко мне вплотную, не услышав моего мысленного предупреждения. Но взгляд в ту же секунду отводит.

Прикасаюсь губами к её щеке.

Тащусь...

От запаха её дорогих духов вперемишку с неповторимым запахом её тела. От ощущения её кожи под моими губами. Оттого что она рядом со мной стоит и я прикоснуться к ней могу. Дурею.

— Рад, что нравлюсь тебе, — растягиваю губы в усмешке.

А когда-то ты меня любила...

Отрываюсь от неё нехотя.

Стул отодвигаю.

— Поухаживаю за тобой, разрешишь? — сажусь рядом. Поднимаю руку, подзывая официанта.

— Вино, — говорит она ему, взгляд на меня переводит.

— Я выросла Айрат, — добавляет, заметив моё удивление. Плечами ведёт небрежно.

И, отворачивается, засранка такая. Что-то Нинель на ушко шептать начинает.

“Значит, дружить по-взрослому уже можно” — всплывают в голове слова Коха, которыми он мне её представлял.

Взглядом на ней зависаю.

Рассматриваю кожу её бархатную сантиметр за сантиметром, выбившийся завиток волос, сползающий по длинной шее, родинку на плече, которую я бесчисленное количество раз целовал. Нутро неожиданно начинает заполнять та самая особенная теплота, нежностью называемая, которую я в своей жизни ни к кому, кроме неё, не испытывал.

Блядь! — она меня приворожила...

Надо было бабуку, по ходу искать, а не встретиться с ней пытаться...

И десяти минут не прошло, как встретились, а я, кажется, опять готов все сокровища мира к её ногам положить.

А потом она в руку бокал с вином берёт. И сердце на мелкие кусочки словно битое стекло разлетается, впиваясь острыми осколками в самую мякотку безжалостно.

На безымянном пальце — кольцо.

Как наяву, картинки из прошлого всплывают.... Как на

тумбочке кольцо обнаружил, когда проснулся. Разозлился поначалу. Потом отошёл. Главное, что вернулась, здесь, рядом, а значит, есть возможность поговорить. Всё исправить. Умылся, полетел к ней. Лучше бы не ходил...

Чувствую, как глаза кровью наливаются. По нервным окончаниям импульсом электрический разряд пробегает.

Долго потом перед глазами стояла: она — голая, с ним в обнимку. Спокойная. Разрумянившаяся. На его груди.

Не понимаю, как сдержался тогда. Как не убил его. Как её не убил.

Через пару лет я видел этого пидараса в Лиссабоне. Специально пошёл на “Русский балет”, знал, что он там будет. Её в списках не нашёл, решил, что она фамилию сменила, замуж, возможно, вышла. Она ведь так танцевать хотела. Меня из-за этого бросила. Толком не понимал зачем мне это надо было. Возможно, надеялся, что эта встреча поможет мне пережить все те неутоленные чувства, и, наконец, оставить прошлое в прошлом. Очень хотелось в глаза ей посмотреть, убедиться что больше ничего не чувствую. Жить, в конце-концов, начать.

Не получилось.

Её там не было...

Зашёл за кулисы, и сразу на него наткнулся, он с бабой какой-то обжимался стоял. Не с ней. И я ушёл...

Начал опять её искать. Но она, словно сквозь землю провалилась, никто ничего о ней не знал. Несколько раз звонил

родственникам Марго, они меня технично отфутболивали, заявляя, что знать не знают такую, ошибся мол номером я. Перепутал что-то бедолага.

А через несколько лет она сама объявилась...

— Что? — спрашивает одними губами.

— Что? — возвращаю вопрос.

— Смотришь на меня...

— Как?

— Будто убить меня хочешь...

Как ты догадалась? — усмехаюсь.

Именно об этом я сейчас и думаю.

Придушить хочу тебя собственными руками. За то, что изменила. За то, что бросила. За то, что забыть тебя не могу...

А потом воскресить, и... любить... Долго. Пока силы не закончатся.

Я ведь чуть не сдох без тебя... Ритка. Чуть не сдох! Хреново было так, что временами жить не хотелось. Боль невыносимой была. Ни на секунду не оставляла. Думал, хана мне пришла, не выживу...

Пару месяцев меня даже за ворота дома не выпускали. Я сидел в четырёх стенах, в обнимку с твоими пуантами, и медленно и мучительно подышал. Ты мерещилась мне в каждом углу, являлась ко мне во сне. Я чувствовал твоё дыхание на своей коже, стоило только закрыть глаза, голос твой в ушах стоял... Я сходил с ума...

Спасла Лала...

Глава 3

Через пару месяцев меня выпустили из заточения. Надо было деньги зарабатывать, долг отцу отдавать за разгромленную общагу. Разрушил я её основательно. Крушил всё, что под руки попадалось, когда узнал, что она уехала. С ним...

Сразу же с Кохом тогда связался. За время проведённое взаперти, остыл немного. Корил себя за несдержанность. Знал ведь, какая она взбалмошная, за то и любил. Готов был простить ей даже измену. Только бы сказала, что сожалеет, что на эмоциях наворотила дел, что любит. Только бы сказала!

Но она ничего не позволила исправить. Пропала со всех радаров, вместе с Марго.

Дома не появлялась. Одногоруппники ничего не знали. Педагоги — тоже. Эти двое исчезли бесследно, не забрав документы и ни с кем не попрощавшись. Пацаны отправили Лёху, как лицо нейтральное, к бывшему мужу Марго. Коху нельзя было, бывшие заслуги не позволяли. Третировал он в своё время Марго нещадно.

— Развелась, понятия не имею куда уехала, — доложил он Лёхе.

Ниточка оборвалась.

Иногда думал, что лучше бы сел. Всё по-другому бы возможно сложилось. Но в тот момент радовался, думал: вот он

наш шанс быть вместе. Семью хотел. Детей. С ней. Со своей Риткой.

Ушёл с головой в работу. Жил на работе, можно сказать, делать всё равно было нехрен. Проститутки много времени не отнимали, а с другими я не общался. Ну ещё грушу вечерами до изнеможения молотил, тем и спасался.

Быстро по карьерной лестнице начал расти, отец нарадоваться не мог моим успехам. Наконец, наследник делом занялся, забыл про гитару, все силы отдаёт семейному бизнесу. Кабинет мне отдельный выделил.

Лала была дочерью его партнёра по бизнесу. В своё время, родители спали и видели нас вместе. Деньги к деньгам, как говорится. Но именно тогда по городу слухи поползли о её связи с женатым мужиком. Да и от моей несостоявшейся свадьбы надо было всем отойти. Меня не дергали. Невест благоразумно не предлагали.

Поздний вечер уже был, рабочий день закончился, народу в офисах почти не было, и тут Лалка вваливается.

— Помоги! — Бледная, испуганная, чуть не плачет.

Без объяснений понятно было: что-то серьёзное случилось.

Я не знал с кем она шуры-муры крутила, не спрашивал никогда. Было дело, прикрывал её однажды, но в подробности не вдавался. Не интересно было. Но слухи по городу ходили, что любовник не из простых, при власти.

Дверь сразу же закрыл на ключ. Позвонил на вахту, чтобы

никого не пускали. Занят типа.

Выяснилось, что кто-то сдал их. Кто-то из приближённых любовника. Как раз дело перед выборами было, и Лалка под раздачу попала. Любовник ещё тем ублюдком оказался, объявил всем, что это она его подставить так пыталась, сама же с конкурентом его трахалась, доказательства может предоставить в любой момент.

Ночью мы с ней ко мне уехали. Утром вместе завтракать вышли. Отец охренел когда нас вместе увидел.

При нём, тут же, позвонил отцу Лалы, сообщил, что мы вместе, давно, могут начинать готовиться к свадьбе.

Эта женитьба и освободила меня. Развязала руки. Лала обещание своё сдержала. Она мне его давала ещё когда сама жениться на ней предлагала. Уехала почти сразу. Я же ещё какое-то время оставался дома, нужно было подготовиться...

Я хоть и не верил никогда в дружбу между женщиной и женщиной без сексуальной подоплёки. В своё время Ритку третировал из-за Ромки, и правильно делал, как выяснилось. Тот ещё гондон оказался. Но Лалка, единственная из бывших, с кем я сохранил дружеские отношения. Она, кстати, нашло того самого, по-настоящему замуж вышла. Говорит — счастлива. Очень рад за неё.

В какой-то момент, помню, мы с ней даже отношения пытались построить — две искалеченные души, вдруг? Только ничего у нас не получилось. Сердцу не прикажешь — не зря

говорят. Особенно сердцу, которое знает про любовь всё.

Через пару лет мы развелись с ней, как и договаривались изначально, и я окончательно освободился, выплатив отцу все долги, с процентами.

Сразу уехал. Подальше от знакомых мест, чтобы ничего больше о Ней не напоминало. Но память, сука, страшная сила, от неё не избавиться. Даже на чужбине её образ преследовал меня по пятам. Особенно по ночам, когда закрывал глаза и оставался один...

Вестей от неё никаких не было.

И я решил: ну, сколько можно? Когда-то же нужно поставить точку.

Женился. Почти по-любви.

Вторая жена мне чем-то Ритку напоминала. Лицом страшненькая была, фигура тоже так себе, не по внешности выбирал. Знал, что таких, как Ритка по пальцам одной руки пересчитать можно. Но было что-то в ней такое, чем она мне Ритку напоминала, какое-то едва уловимое сходство. Или я просто себе это надумывал, чтобы её забыть. Не знаю. Торкнуло. Женился. Только мираж быстро развеялся, помидоры завяли. Еле развёлся... Можно сказать, откупился.

А в третий раз, не знаю, зачем женился...

Наверное, потерял надежду...

Она блядь, как мираж: появляется на горизонте, а руку протягиваешь — исчезает бесследно. Поймать её получилось, как ни прискорбно в этом признаваться, благодаря од-

ной из любовниц Коха, с которой Ритка как-то по работе пересекалась. Или работала вместе даже, не понял я. И многие годы, была совсем рядом, только я её не там искал...

Не танцевала она больше никогда... Как и я, больше ни разу в жизни, не брал в руки гитару...

Всё ещё до конца не верю, что вот она рядом со мной сидит. Дотронуться до неё могу, запах её охренительный вдохнуть.

Пальцы сами собой в кулак сжимаются.

Я помню Рит, помню, как ты вилкой к моей руке приложилась. Я всё помню, каждую минуту, проведённую с тобой. Ничего не забыл.

Карие глаза, отражая свет потолочных люстр, переливаются лучиками текучева золота. Светятся, мерцают и завораживают.

Зрачки расширяются.

Мои демоны с цепи срываются.

А чего ты хотела, Рит? Я давал тебе шанс убежать... Ты не воспользовалась, а теперь уже поздно.

Она осуждающе покачивает головой из стороны в сторону, словно мысли мои читает.

Прости, Ритка, мне плевать, что у тебя есть другой...

Не отпущу...

Глава 4

Рита

Айрат молчит. Но смотрит так, что кожа на всём теле гореть начинает.

Тем не менее, выдерживаю его взгляд, не маленькая — выросла. Да и в прошлом всё. Меня его присутствие рядом больше не должно волновать.

— Давно приехал? — спрашиваю, чтобы разорвать натянувшуюся между нами нить напряжения.

— Вчера, — отвечает, и губ его касается лёгкая ухмылка. Лёгкая и до отвращения пошлая.

Неуютно становится. Словно голышом среди толпы незнакомых мужиков стою, а прикрыться нечем.

Смотрю в его потемневшие глаза. В лёгких воздух заканчивается.. Точно также он смотрел на меня тогда, когда приехал за мной на турбазу, чтобы увезти меня с собой, навсегда...

По дороге в общагу мы свернули с ним в какой-то лесок. Я раздевала его трясущимися руками, он раздевал меня. До ушей доносился звук проезжающих по трассе машин, но нас ничего не смущало. Мы трахались с ним, как бешеные животные. Его девятка ходуном ходила. Утренний, ещё прохладный, ветерок обдувал наши раскалённые тела в открытые настежь двери, но не остужал. Я ловила ртом воздух и

задыхалась. Меня разрывало от наслаждения, так сильно я его чувствовала. Так мне было хорошо.

Я влюблена была в него по уши. Жизни своей без него не представляла. Он был моим первым мужчиной. Я прекрасно помню его член. Первый член, который ощутила внутри себя. Я всё помню. Ничего не забыла.

Айрат улыбается шире, словно мысли мои читает.

Чёрт бы тебя побрал, извращенец хренов!.

Я знаю, что ты меня любил. Любил по-настоящему. Но я также прекрасно помню, как мы расстались. Как ты кричал мне в спину:

“ Пусть идёт!” — это я тоже не забыла.

И боль, которая жила со мной долгие годы. Боль не физическая, к которой я привыкла с детства, мышечная, она всем знакома, кто так или иначе занимался спортом. А душевная, когда в муках будто часть тебя подыхает, оставляя в душе незаживающие кровоточащие раны...

Такую боль, невозможно забыть...

Мне некуда уходить, кроме матери. Уверена, она не обрадуется, но выхода нет. Не выгонит же? И я ненадолго. Я обязательно что-нибудь придумаю, мне всего-навсего нужна маленькая передышка...

Чемодан набиваю до отказа. Пригодится. Всё пригодится... Золото, что он мне дарил, складываю в пакет — на чёрный день. Из телефона вытаскиваю сим карту, оставляю её

на тумбочке, телефон забираю — пригодится.

На крыльце Ромка, как нельзя кстати, стоит, болтает с кем-то.

Чемодан неприподъёмный, позволяю ему проводить меня до вокзала. Мы почти не разговариваем пока в такси едем, но и неприязни к нему не испытываю. Ровно.

Он пытается уговорить меня поехать с ним. Я не отказываюсь. Понимаю, что поехать с ним не могу, но и не отказываюсь. Не рассказывать же ему всё? Обо всём я только Марго могу рассказать, но её нет. Она дома.

Изредка поддакиваю, киваю, но в основном, молчу.

Внутри пусто...ни боли, ни переживаний. Болеть будет потом, сильно...Кости с треском будут разлетаться в разные стороны, впиваясь острыми краями в мясо. Раны ещё долго будут кровоточить. А пока ничего не болит.

— Отдохну немного и решу, — говорю ему.

Беру его контакты и обещаю по-любому позвонить. Лишь бы отстал.

На вокзале народу тьма тьмушая, билетов нет, лето. Ноги гудят от долгого стояния, но общее состояние нормальное, не тошнит. Наконец, удаётся “поймать” билет на проходящий поезд. Ромка провожает до места. Помогает устроиться. Ещё раз берёт с меня обещание позвонить ему.

Держусь до тех самых пор, пока он не пропадает из вида, и только потом даю волю слезам. Толком не понимаю отчего плачу. Возможно оттого, что никогда больше Его не увижу.

Что Ромку больше никогда не увижу. Никого больше никогда не увижу. От всего этого грустно, но всё ещё не больно. Мне есть ради кого жить и бороться. И я не сдамся.

В тамбур выходят курильщики, иду в туалет, умываюсь. Забираюсь на верхнюю полку и засыпаю.

Ехать недалеко, всего восемь часов. Рано утром будит проводница, большинство пассажиров ещё спит. Чувствую себя усталой и не выспавшейся. Чемодан тяжеленный. Еле вытаскиваю его на перрон. Потом уже легче, он на колёсиках, через бордюры только приходится поднимать. До автостанции иду пешком. Ещё четыре часа и дома буду, можно будет отдохнуть.

Несмотря на лето и тёплую погоду, мёрзну. Вытаскиваю из чемодана кофту, но она совсем не греет. Колотит так, что зубы стучат.

Наконец, автобус трогается, согреваюсь, и...отключаюсь. Водитель будит меня на конечной. Пока жду следующего автобуса, пью горячий чай, чтобы согреться. Потряхивает, но, на удивление, не тошнит. Прошу водителя разбудить меня на моей остановке, если вдруг опять засну. Как в воду глядела, только трогаемся, — отключаюсь.

До дома иду пешком, стараясь не смотреть по сторонам. Городок маленький, можно сказать, большая деревня. Все друг друга знают. Не хочу ни с кем разговаривать.

Захожу в подъезд — лифт не работает. Тащу чемодан на третий этаж. Звоню в дверь — никто не открывает. Нахожу

ключи — не подходят. Приплыли.

Сижу какое-то время у дверей. В животе урчит с голодухи, тошнота к горлу подступает. Вот где её черти носят?!

Надо было позвонить соседке, конечно, предупредить. Но так получилось. Не до этого было.

Решаю сходить в ближайшее кафе перекусить, чтобы в голодный обморок не грохнуться. Заодно и про мать спросить, вдруг кто знает куда она запропастилась.

Только из подъезда выхожу — Сёмка навстречу идёт.

Предполагала, что встречусь с ним, но не думала, что это вот так сразу произойдёт.

Мы дружили с ним в школе. Он не раз меня выручал. Бродил со мной по улицам, когда у меня дома беспредел какой-нибудь творился, пирожками угощал, которые его мама пекла. Она очень вкусные пирожки у него пекла. От воспоминаний, живот ещё сильнее урчать начинает.

Сёмка был очень симпатичным в школе. Весёлым, незлобным, смешил меня постоянно, развлекал. Был первым с кем я поцеловалась. Так себе целовался он, надо сказать, но мы совсем детьми с ним тогда были. Я и сама не знала, что по-другому бывает.

Он обиделся на меня сильно, когда сообщила, что никогда с ним не буду, что другой у меня есть. Кричал в трубку. Нехорошие слова говорил. Но я для себя тогда уже всё решила. С Айратом тоже ещё не пойми что было. Мы не разговаривали с ним долго после нашего с ним первого раза,

когда я его вилкой пырнула. Но уже тогда чётко понимала, что с Сёмкой не буду никогда. Не смогу.

Сёмка смотрит на меня. Я на него. Он изменился, и не в лучшую сторону. Неопрятный, грязный даже. Волосы сальные. Глаза странно блестят. Нос улавливает запах перегара вперемешку с запахом сигарет. Непроизвольно морщусь.

— Какими такими судьбами тебя к нам занесло, принцесса? — кривит губы в неприятной ухмылке, руки по сторонам разводит.

— Вот, на каникулы... — не знаю, что ему сказать.

— Какая ты стала... — щёлкает языком, головой покачивает из стороны в сторону. Окидывая меня с ног до головы похотливым липким взглядом.

Делает шаг в мою сторону, намереваясь обнять.

К горлу резко подступает тошнота. Дёргаюсь от него и меня выворачивает прямо у подъезда.

— Ты не беременная случайно? — Сёмка подходит совсем близко. Так близко, что я запах его чувствую.

— Отстань, — отворачиваюсь в сторону, чтобы не чувствовать его тошнотворного омбре. Дышу. — Ты не знаешь случайно, где мать? — поворачиваюсь к нему, продышавшись.

— Дома нет? — спрашивает он несколько задумчиво, и будто протрезвев.

— Нет.

— Можешь ко мне подняться пока, или жди тут, я позову

её.

— Тут подожду.

Стою какое-то время, жду его. Но ни его, ни матери. Решаю добрести до кафе, съесть что-нибудь. Не уверена, что у матери дома еда найдётся.

Когда возвращаюсь, дверь в квартиру настежь. Уже из коридора нос улавливает застоявшийся запах многодневного веселья, слышится пьяный бубнёж.

Стою несколько минут, не знаю что делать. Но и идти больше некуда. Тело ломит от усталости, ноги гудят. Надо хоть немного передохнуть.

— Что, нагуляла всё-таки, блядина! — встречает меня мать, выскочив из кухни. Пьяная. Еле на ногах стоит.

Вслед за ней Сёмка появляется.

— Ты куда пропала, я же тебе сказал у подъезда ждать, — говорит недовольно. Жуёт что-то.

— Да пошёл ты... — не могу сдержаться. Противно.

— Сучка неблагодарная! — встаёт мать на его защиту, — кому ты нужна будешь со своим выблядком, а он вот жениться на тебе согласен.

Сглатываю подступающий к горлу ком.

Пиная чемодан, пытаюсь вытолкать его в коридор. Колесо, как назло, цепляется за что-то, не могу его с места сдвинуть.

— Стой, Рит, — Сёмка хватается за плечи. — Не бузи, поженемся, никто ничего не узнает...

— Руки убрал от меня! — рычу, наконец, выпинывая че-

модан наружу.

Не слышу больше, что они орут мне вслед. Почти бегу, не чувствуя тяжести.

Не знаю куда, но бегу...

Нет, я не хочу возвращаться в прошлое. Только-только, можно сказать, отошла. Жизнь свою наладила. Успокоилась...

У меня всё хорошо.

“Мне по хуй” — читаю в его взгляде.

Прищуриваюсь.

“Мне тоже — по хуй” — транслирую ему ответ.

Отворачиваюсь.

Глава 5

Отворачиваюсь, но сердце грохочет в груди, словно безумное. Жаркими вибрациями разлетаясь по всему телу. Маленький сундучок, ключ от которого я давно выбросила, ходуном внутри меня ходит. И, кажется, вот-вот разлетится на мелкие куски.

Задерживаю дыхание.

Айрат изменился. Заматерел. Стал сильнее, жёстче, и, возможно, опаснее. И, блять, ещё краше стал, сволочь такая.

Когда я с его отцом в СИЗО встречалась, он ненамного старше Айрата в то время был. Сколько ему лет было? Не знаю, но запомнила я его хорошо. Отец его был невероятно красив.

Булат Тимурович — железо на железе, хрен прогнёшь.

Помню, как тяжело было выдержать его взгляд — жгучая мгла насквозь прожигала. Хотелось прикрыть голову руками, и тупо отсидеться где-нибудь в тёмном уголке. У Айрата сейчас такой же. Он очень на отца своего похож. Копия.

Стал будто ещё крупнее, мощнее. И как же идёт ему эта белая рубашка, боже!

Вопреки здравому смыслу, в голову сплошная ерунда лезет — хочется увидеть его торс, пробежаться пальчиками по его рельефам, ощутить подушечками бархат его кожи...

Чёрт!

Сглатываю скопившуюся во рту слюну, медленно выдыхаю через рот, чтобы не слышно было.

Обнажённого плеча в тот же миг, касается горячее дыхание. Не оглядываюсь. Но горит даже задница, на которой сижу.

Воспоминания яркими вспышками продолжают тиранить сознание. Наши разговоры, смех, поцелуи, ласки.

Что было бы, если бы я тогда не убежала, не уехала к Лизе. Что было бы? Мы бы поженились? Да, скорее всего, мы бы поженились. А потом? Смогла бы я принять условия его отца и жить с его родственниками? Не знаю! Сценариев развития событий могло быть великое множество, но я, однозначно, выбрала для себя один из самых непростых.

Но сейчас-то у меня всё хорошо.

Я выжила. Выстояла. Я счастлива...

Прикусываю щёку изнутри, окидываю взглядом гостей, многих из которых, я знаю. Некоторых даже рада видеть. Вон Лёха, например, он кажется, совсем не изменился. Только виски поседели, да саксофон стал круче. Но улыбка всё такая же — открытая, до ушей.

Я сижу рядом с Нинель, по правую руку, на этом непонятно кому нужном, празднике жизни. Двадцать лет с Кохом. Марго права, ей памятник уже давно пора поставить.

Нинель единственная, кроме Марго, кого я взяла в настоящее из своей прошлой жизни. Связалась с ней, как только устроилась, когда вернулась. Не знаю почему. Может, пото-

му что о ней у меня только тёплые воспоминания сохранились, а мне очень не хватало тепла? Не знаю. Звонила ей, конечно, не часто, но звонила. Встречались иногда даже. С Варькой её возилась — бросаю взгляд на её дочь. Вымахала, звезда, замуж вон собралась...

Хорошо, что я пришла, лишний раз убедиться, что я всё правильно тогда сделала, не помешает. Если уж он мне тогда изменил, что бы сейчас было? Сидела бы в четырёх стенах, нянчила его детей, а он бы по бабам шлялся. Когда-то они с Кохом ни одной юбки в общежитии не пропускали.

Кох и сейчас вон, по-чёрному гуляет. Несколько раз встречала его, было дело, когда ещё свободной была. Когда ещё Вити у меня не было. Ещё и поэтому с Нинель не хотела видаться, не знала как ей в глаза смотреть. А потом выяснилось, что он с полоумной Анжелочкой якшается. Блять! Она же чокнутая! В своё время она мне так нехило подгадила. Но если бы не она, не познакомилась бы я с Витей.

“Нет худа без добра” — правду говорят. Пусть живёт. Вот только не хотелось бы, чтобы она на Нинель свои методы практиковала.

За столом гул стоит. Гости разговаривают, шепчутся. Я слышу это всё, но словно откуда-то издалека. Так сосредоточена на своих внутренних ощущениях.

Марго жжёт, как всегда, предупреждала ведь... Никогда не может простить Коху прошлого, когда-то он терроризировал её нещадно, из-за своего тупенького друга. За друзей горой

всегда стоял. Или, может, из-за Айрата она так разошлась сегодня? Зря, если так. С этого татарина, как с гуся вода, ему на всех и вся — похрен. Всегда так было.

Только хочу маякнуть ей, чтобы утомонилась, Кох с места поднимается.

— Дамы и Господа! — начинает он пафосно и все замолкают. Всё внимание на Коха.

Речи он толкать умеет. Ни одна вечеринка в общаге без его речей не обходилась. Тамада хренов...

Срывает аплодисменты, естественно, которые почти сразу прерывает звук саксофона.

Перевожу взгляд на Лёху.

Боже, как же он играет! — мурашки по коже. "Беспечный шёпот" (Careless Whisper, песня Джорджа Майкла) в его исполнении — великолепен!

Помню, как Любания у нас бегала за ним несмотря даже на то, что Лёха уже тогда был женат. И умудрилась таки затащить его в постель. Да ещё чем-то наградить. Скандал был нешуточный. Интересно, он всё ещё вместе с женой? Никогда не спрашивала. Она у него такая, весьма своеобразная была. В церковном хоре пела. А он ведь тот ещё повеса, хоть по виду и не скажешь.

Краем глаза замечаю, как Нинель встаёт.

Вскидываю взгляд — на ней лица нет. Но муж её словно не замечает ничего, театральным жестом достаёт коробочку, и... та-дам! — кольцо не налезает ей на палец.

Сжимаю зубы до хруста, Коха прибить хочется.

— Это к разводу, — шепчет Нинель себе под нос.

Но в зале такая тишина стоит, что слышат её все без исключения. За столько лет не знать размер жены? Противно.

Так противно, что морщусь, не скрываясь.

Хорошо, что Марго в этот момент поднимается, перетягивая внимание с Нинель на себя, что-то говорит Лёхе. Опрокидывает в себя рюмаху, и, пританцовывая, рулит в центр зала.

— Марго, я с тобой, — из-за стола встаёт дама.

Это кто? Сватья? Или кто?

Ха-ха, красотка! Кох чуть слюной не поперхнулся, когда она показательно пожимавав грудь, пританцовывая плывёт навстречу Марго.

Но тут же, сука, переключается на Нинель опять, начинает что-то ей втирать на ухо. Хочется стукнуть чем-нибудь тяжёленьким по его тупой башке. Он что не видит, что ей плохо?

Она же в обморок вот-вот грохнется.

— Кох, да заткнись ты уже, — рычу на него, не сдержавшись.

Дебил, не ожидала я от тебя такого. Это Анжелочка на тебя так повлияла? Пообщайся с ней ещё, глядишь в дурке вместе остаток жизни и проведёте.

— Пойдём выйдем, — шепчу Нинель на ухо, не обращая внимания на недовольную рожу Коха.

Пошёл он нахрен! Колбасит прям, так врезать ему хочет-

ся.

А Нинель словно не слышит ничего, сидит, сквозь меня куда-то смотрит.

— Идём моя хорошая, подышим свежим воздухом, — чуть приобнимаю её, помогаю подняться.

Сама шататься ни с того ни с сего начинаю. Опираюсь на Айрата рукой, он поддерживает, стул отодвигает.

— Далеко? — интересуется.

— В дамскую комнату отойдём, — руку не выдёргиваю, наоборот, ещё сильнее за него хватаюсь.

Уверена, он поможет, если вдруг помощь понадобится. Говнить не будет.

— Плюнь на всех, дыши, — успокаиваю Нинель, усаживая её на пуфик.

Ресторан для празднования юбилея, Кох шикарный выбрал. Денег не пожалел.

Суечусь вокруг Нинель, сама ничего не соображаю. Словно в прошлое выкидывает...

Вспоминаю, как плохо мне было, как тошнило, стоило только ко мне подойти кому-нибудь. Как одиноко было. Страшно. Непонятно. Как я бросалась из крайности в крайность от безысходности. Как совершала одну ошибку за другой...

Как же мне тогда нужна была помощь!

До сих пор не понимаю, как выжила. Приспособилась. Не утонула в страхах и жалости к себе.

Кто-то начинает ломиться в дверь.

— Сиди, — командую, когда Нинель дёргается.

Отворачиваюсь, не столько чтобы дверь открыть, скорее, чтобы глотнуть воздуха, прийти в себя. Не хочу, чтобы она заметила, как мне страшно. Не тороплюсь открывать.

Но тут же дверь кто-то негромко царапает. Открываю — Айрат с бутылкой воды стоит.

— Всё хорошо? — спрашивает он одними губами, поймав мой испуганный взгляд.

Всё плохо! Всё очень плохо!

Так плохо, что дыхание сбивается.

Непроизвольно дёргаюсь, когда замечаю за его спиной толпу. Мне хочется встать звездой в проёме, и никого к ней не подпускать. Но из-за обрушившихся на меня эмоций, и чрезмерного волнения, я делаю всё слишком медленно...

Вокруг нас вмиг собирается толпа: Кох, Варька, ещё кто-то... Все галдят, чего-то от Нинель требуют.

Сердце заходится в панике, остервенело стучит о рёбра.

А дальше подключается резерв.

Телефон. Скорая. Больница.

Глава 6

Знобит...

Плотнее запахиваю пальто, поднимаю воротник, и, при-
слонившись к колонне плечом, достаю из сумки сигарету. В
последние дни погода уже совсем весенняя стоит, тепло да-
же ночью, но сейчас я мёрзну. Совсем, как тогда...

Кушетка, на которой сижу, ледяная. Здесь вообще холод-
но, в этом подвале. Ни один лучик солнца сюда не пробива-
ется. Место, где живёт смерть. Абортарий.

Обхватываю себя руками, пытаюсь согреться, но всё-рав-
но трясёт.

Похоже, я всё-таки заболела, не нервы это нифига.

Облизываю пересохшие губы, очень хочется пить. Но
пить нельзя. Сказали, что нельзя. Терплю и сижу дальше.

Не надо было к матери ехать, только время и деньги зря
потратила.

Шла потом по дороге, совсем не понимая, куда иду. Пах-
ло цветами, скошенной свежей травой, и стрижи над голо-
вой пели так - аж уши закладывало. Голова шла кругом. В
какой-то момент дорогу перебежала чёрная кошка и я оста-
новилась. Я не то чтобы сильно верю в приметы, но стало
почему-то жутко. И буквально в тот же миг, небо разорвало
молнией, начался сильный ливень. Вот так, без всяких на то

предпосылок. Небо словно прорвало и из него хлынул поток. Вздрыгнула от оглушительного раската грома, но с места не сошла. Стояла до тех пор, пока по дороге не проехала машина, первой разорвав невидимую черту, начертанную кошкой. И только потом, поплелась на остановку.

Вода стекала по мне ручьями, но я будто ничего не замечала. Стояла и тупо пялилась невидящим взглядом, в расписание автобусов.

— Куда ехать? — рядом тормозит фура.

Перевожу взгляд, молчу.

— Да не бойся ты, мне чтобы не уснуть, довезу в целости и сохранности...

Рассматриваю мужика: взрослый, невысокого роста, толстенький уже, но улыбка хорошая, открытая.

— У меня дочь твоего возраста...

— А вы куда едете? — отмираю.

— В Ижевск.

— Довезёте?

Я не знаю зачем мне в Ижевск, я там никогда не была, но мне нужно куда-то уехать. Здесь мне делать нечего.

Соглашаюсь.

Мужчина легко закидывает мой чемодан в кабину, помогает подняться. Сразу же даёт плед. Наливает из термоса горячий чай. Ни о чём не спрашивает, просто едет и беспрестанно болтает, перекрикивая громкую музыку.

Постепенно согреваюсь. Иногда отключаюсь. Он будит

меня на остановках, выходим вместе, размять ноги. В туалет сходить, да перекусить.

На подъезде к городу спрашиваю у него название какой-нибудь недорогой гостиницы. Он впервые долго смотрит на меня, и я уже начинаю в голове придумывать легенду, но, в результате, просто даёт мне адрес. И мы расстаёмся.

Стены в гостинице картонные, судя по тому, как я отчётливо слышу то, что творится через стенку. Всё, до каждого вдоха и каждого слова. Но зато недорогая, люди приветливые. В буфете домашние пирожки, салаты смачно приправлены майонезом, порции огромные, на весь день одной порции хватает.

Несколько раз спускаюсь вниз. Звоню Марго — никто не отвечает. И я иду искать поликлинику.

— Давыдова! — громкий зычный бас разрывает пространство.

Интуитивно сжимаю колени, вскидывая взгляд на женщину. Она похожа на мясника — высокая, здоровенная, руки большие, клеёнчатый фартук весь в пятнах. Выглядит жутко, словно весь забрызган кровью. Понимаю, что быть такого не может, но воображение подкидывает одну картину страшнее другой: как она вот этими своими здоровенными ручищами выковыривает из меня моего ребёнка.

Закрываю лицо руками. Слез нет. Высохли все. Но становится очень-очень страшно. Никто не знает где я, никто меня не найдёт, никто не поможет.

Я совсем одна в этом мире.

— Саныч, — орёт она. — Подойди...

Болтающие, в ожидании своей очереди, женщины, — замолкают. На меня все уставились.

В палате я их всех видела, но никого не запомнила. Кто-то из них спрашивал у меня про мужа, я честно ответила, что мужа у меня нет. Больше меня ни о чём не спрашивали. Шушукались только между собой, бросая на меня осуждающие взгляды. Было неприятно, но старалась себя убедить, что мне на их мнение плевать, я их никогда больше не увижу.

Маленький, сухонький мужчина неопределённого возраста, появившись в проёме, сканирует меня взглядом несколько секунд, потом кивком головы приглашает внутрь.

Вхожу. Помещение большое, светлое, с большими занавешенными чем-то окнами. В центре стоит кресло, стараюсь на него не смотреть. Смотрю в пространство, на свет. Щурюсь. После тёмного коридора, глазам непривычно светло.

Доктор трогает мой лоб. Рука тёплая. Приятно. Затем показывает рукой на кресло.

Киваю, но ноги не идут. Стою на месте.

Я на этом кресле в своей жизни всего несколько раз была. На медосмотре хватало того, что ты девтсвенница, прокатывало всегда. Никто никогда не проверял, отпускали с пометкой — здорова. А тут пришлось...

— Не бойся, ничего делать не буду, посмотрю только, — неожиданно тепло говорит он.

Киваю опять, потом долго расправляю пелёнку, разглаживая на ней складочки, а когда складочек больше не остаётся, деваться некуда, лезу на вертолёт.

Вздрагиваю, когда чувствую в себе инородное тело.

— Расслабься, — говорит спокойно.

Пытаюсь, но ничего не получается. Таращусь в потолок, взгляд цепляет на белоснежной глади, чёрную точку. Сосредотачиваюсь на ней, немного расслабляюсь.

— Последняя менструация? — уточняет, вытаскивая из меня орудие пыток.

Отвечаю сразу. Дни, когда Айрат подарил мне кольцо, когда сделал мне предложение. Я не забуду эту дату никогда.

Доктор смотрит на меня внимательно. А затем снова погружает в меня свою руку, мнёт живот. Немного больно, но терплю.

— Ты чего такая худая, аппетита нет?

— Есть.

— Тошнит?

— Да.

— Утром или всегда?

— В основном, утром, но может и днём, если запах...

— Последние месячные нормальные были?

Я не понимаю его вопроса. Что значит нормальные?

— Вроде, да, — тем не менее, отвечаю.

— Спрыгивай и ко мне, — рассматривает перчатку.

Мне кажется, что на перчатке кровь, но он ничего мне не

говорит, молча моет руки и выходит.

Сползаю с кресла, выбрасываю пелёнку, иду за ним. Внутрь тянет всё. Неприятно.

— Лекарства сегодня принимала какие-то? — спрашивает, когда подхожу.

— Аспирин, — отвечаю честно.

Он недовольно поджимает губы, морщится.

Второй день держится температура и с утра я выпила таблетку аспирина, чтобы её сбить. Но это было очень рано. Думала, что это не повлияет

— Я не возьму тебя, — рассматривает мою хилую карточку.

— Это было очень рано, — всё-таки добавляю.

Но он словно меня не слышит.

— У тебя срок уже приличный, отец где? — переводит взгляд на меня.

— Нет отца, — сжимаюсь в комок под его пристальным взглядом.

Он кивает равнодушно, словно его ничего в моём ответе не удивило, и сразу же продолжает:

— Сейчас идёшь домой и лежишь, лежишь и лежишь. У тебя тонус. Встаёшь только в туалет и поешь. Свечку в зад, — протягивает листочек, — и в постель. Не бегаешь, не прыгаешь, не нервничаешь. Купи магний и можно валерьянку, но не злоупотреблять. Через две недели ко мне, — опять смотрит на мой листок. — Ты платно у нас?

— Да.

Без прописки нельзя, а за деньги всё можно. Пришлось заплатить.

— Деньги я тебе вернуть не смогу, это сложно, но смогу отправить на УЗИ, поняла?

Я ничего не поняла, но послушно ему киваю. А потом, словно облегчённо вдыхаю воздух всей грудью. С утра, как на адской сковородке жарилась.

Непросто далось мне это решение. Ох, как непросто. Я ведь люблю этого ребёнка. Очень люблю. Нет, иногда я его ненавижу, каюсь. Знаю, что он будет похож на Айрата. Уверена в этом. А я не хочу чтобы мне хоть что-то и хоть кто-то напоминал о нём. Это больно. Это нестерпимо больно. Это, как гореть заживо, чувствуя, как сантиметр за сантиметром живой плоти, отваливается от тебя, оставляя кровавые незаживающие раны. Но я всё-равно его люблю. Очень люблю, как когда-то, любила его отца.

Сгребая бумаги, что он мне отдаёт, встаю.

— И никакого аспирина, поняла?

Опять киваю, и, на негнущихся ногах, выхожу.

Ничего пока ещё не понимаю. Ничего не соображаю. Но когда захожу в гостиницу, на ресепшине сообщают, что мне звонили. Сердце моментально ускоряется. Это Марго. Ура! Я больше не одна.

Я всё-таки дозвонилась до её бабушки, оставила ей номер телефона гостиницы и она меня нашла.

Сразу же перезваниваю ей, собираю вещи, и мчу на вокзал...

Замираю, сжимая в пальцах сигарету.

Мне не нужно поворачиваться, чтобы знать, что это он. Его приближение, я чувствую по колебаниям воздуха, по вибрациям в солнечном сплетении, по запаху, как собака.

Не вздрагиваю, когда перед носом вспыхивает огонёк зажигалки. Прикуриваю. Ветерок треплет выбившиеся из причёски волосы, закидывая их на лицо. Айрат пальцем придерживает локон, не давая ему поджариться. Втягиваю в себя дым. И как будто, успокаиваюсь.

Раньше он не разрешал мне курить. А сейчас ему всё равно. Всё изменилось...

Глава 7

— Кто он? — спрашивает Айрат в лоб.

И я бы, наверное, рассмеялась, если бы не поперхнулась дымом от неожиданности в этот момент.

Дым противно выходит через нос, обжигая слизистую. С трудом сдерживаюсь, чтобы не закашляться. Отворачиваюсь, промакивая выступившие слезинки в уголках глаз.

— Не делай больше так ... — усмехаюсь, повернувшись к нему.

Ему, естественно, похрен. Он спокойно прикуривает.

— Любишь его? — спрашивает. Широкая улыбка, демонстрирующая ряд верхних ровных зубов, выглядит, как оскал.

Специально ведь хочет меня разозлить, сволочь такая.

Я никогда не задавала себе вопроса: люблю ли я Витю? Когда, благодаря козням Анжелочки, вынуждена была уволиться, тупо пошла к конкурентам. И меня взяли. Витя взял. Потом красиво за мной ухаживал, приглашал на свидания, дарил цветы, подарки. Когда он предложил переехать к нему, я подумала: почему нет? Не век же одной куковать.

Недавно Витя сделал мне предложение, кольцо подарил. Ребёнка хочет...

Айрат глаз с меня не спускает.

Мозг усиленно шлёт сигналы об опасности, предчувствие шепчет: “беги”! Становится жарко, словно по венам не кровь

течёт, а горючее вещество. Не сгореть бы...

Распахиваю пальто.

Абсолютно непонятно почему я так остро реагирую на присутствие этого человека рядом.

У меня всё хорошо. Я замуж выхожу. И, если повезёт, ро-
жу ребёнка.

И вот ребёнка своего я буду любить...

— Хочешь сказать, что у тебя никого нет? — говорю ней-
трально, рассматривая его красивые длинные пальцы.

На них нет кольца. Я так толком и не поняла: женат он
или развёлся в очередной раз? Хотела спросить у Нинель, но
было не до того. Да и какая мне разница?

— Я никого не люблю, если ты об этом, — говорит спо-
койно.

— И даже не потрахивал никого? — брови его слегка дёр-
гаются вверх, но на лице ни одной эмоции не отражается.
Абсолютно спокоен.

— Как только узнал, что ты будешь, — нет. — Тушит си-
гарету, выбрасывает её в урну.

— Два дня? — хитро улыбаюсь, сама по сторонам огля-
дываюсь.

Нужна подмога. Этот долбанный татарин, дурно на меня
влияет.

— Рит, просто ответь: любишь его?

Пальцы крепко сжимают фильтр истлевшей давно сигаре-
ты, которую я так толком и не покурила.

— Да... — отвечаю, скорее, чтобы его позлить.

И сразу следом, неосторожный рывок — глаза в глаза. Тут не очень хорошее освещение, но я чётко вижу, как вспыхивают его глаза. Они горят.

Вдоль позвоночника словно колючую проволоку протягивают, когда он прищуривается.

— Ты так и не научилась врать Ритка... — наклоняется, сокращая между нами расстояние до минимального.

Высокий, большой. Всё такой же, каким я запомнила его из прошлого. И в тоже время другой. Незнакомый. Взрослый. Непредсказуемый И, однозначно, опасный.

Наши тела почти соприкасаются. Его дыхание щекочет мою щёку. Меня окутывает его запах. Запах его кожи. Он безумно приятный, и...волнующий.

Облизываю пересохшие губы. Айрат не двигается. Только взгляд его скользит ниже, останавливается на губах.

Сердце на разрыв колотится. Господи, да спасите меня уже кто-нибудь!

— Вот вы где, молодые люди?! — приходит помощь из-за угла.

Резко поворачиваюсь на голос, словно очнувшись.

Алевтина с Марго, улыбаясь, и что-то бурно обсуждая, идут в нашу сторону. Значит, нормально всё, коль улыбаются, — делаю вывод. Облегчённо выдыхаю.

Алевтина — сватья Нинель. Шикарная женщина. Во всех смыслах, шикарная. Так мастерски поставить на место Коха,

дорогого стоит. Если бы не она, я бы не справилась, погрязнув в страхах и воспоминаниях. Казалось, я давным-давно уже обо всём забыла. Выбросила из головы, перечеркнув те болезненные воспоминания из прошлого, жирной чертой, и никогда в них не возвращалась. Жила настоящим. Я давно научилась справляться со своими слабостями. Чем эффективнее ты подавляешь эмоции, тем больше у тебя шансов на победу — знают все.

Что сегодня случилось? — не понимаю. Я словно на много лет назад, в прошлое вернулась. Не ожидала я от себя такого.

— Всё нормально? — спрашиваю у неё.

— Пронесло, — облегчённо выдыхает она, возводя глаза к небу. — С ребёнком всё хорошо, оставим здесь, у неё такой доктор...красавчик, — лезет в телефон. — Щас покажу, — тут же демонстрирует мне фотографию парня, — разведён, — добавляет шепотом, стреляя глазками в Айрата.

Я не сдерживаюсь — прыскаю.

С экрана на меня смотрит молодой человек с неформальным пучком на голове, совсем не похожий на доктора в общепринятом понимании. Но очень даже ничего. Симпатичный.

— Бердяев, как жена твоя поживает? — отвлекает Марго, от разглядывания красавчика-доктора, своим выкриком.

Вскидываю на него взгляд.

Реакция Айрата едва заметна. Чуть дрогнувший уголок губ. Незаметный, наверное, никому, кроме меня. Так хоро-

шо я его знаю. Так тонко чувствую. До сих пор, как оказалось.

— Денег не просит, значит, нормально всё? — отвечает он вполне буднично. Ухмыляется.

— У вас исключительно товарно-денежные отношения? — не отстаёт от него Марго.

Айрат растягивает губы в широкой улыбке. Стреляет в меня глазами.

— Исключительно, да. — И, судя по улыбке, разговор этот, явно его веселит.

Марго открывает широко рот, чтобы выдать ему очередную колкость, но...

— Сигаретой угостите? — перебивает её Алевтина и поочерёдно смотрит на нас с Айратом.

Я протягиваю ей пачку. Она вытаскивает одну, прикуривает от зажигалки, которую тут же подносит к её сигарете Айрат.

— Стараюсь не курить, — сообщает, с нескрываемым удовольствием затягиваясь, а потом выдыхая в сторону дым, — но сегодня можно.

— Ага, я тоже стараюсь при Дуське не курить, — поддерживает её Марго. — Она не знала у меня, что мама курит, а тут недавно повезла её на встречу. Думаю, дай-ка покурю в машине, на улице дождь, выходить лень. Только покурила и она идёт — встречу отменили. В машине дым коромыслом, пришлось признаться.

— Да ладно! — удивлённо восклицает Айрат, громко заржав.

— Бердяев, блядь, ты что, хочешь сказать, что я плохая мать?! — тычет Марго себя пальцем в грудь, театрально вытаращив глаза.

— Господь с тобой, — Айрат поднимает руки, типа сдаётся. — Какие могут быть сомнения... — заверяет её, но ржать не перестаёт.

Улыбаюсь, глядя на них. Раньше они часто такие шуточные баталии устраивали.

Дочери Марго уже четырнадцать. Родила она её от женатого итальянского журналиста. Замуж, правда, за него так и не вышла, даже когда он развёлся. Ждать надоело, поэтому вышла за другого.

И, наверное, никому в голову никогда не придёт, что шальная Марго, может быть прекрасной матерью. Самой лучшей, уж я-то знаю.

В кармане вибрирует телефон.

Знаю, что это Витя звонит, больше некому. Отхожу в сторону, прежде чем ответить.

— Скучаешь? — говорю первое, что приходит на ум.

— Очень скучаю по тебе моя малышка...

Витя младше меня на три года. Но почему-то ему нравится называть меня малышкой. Я ничего ему на это не говорю. Ровно. Он полная противоположность Айрата, как внешне, так и характером. Голубоглазый блондин. Очень мягкий.

Ласковый. Немного ленивый. К спорту я его так и не приучила. Выбирается иногда в зал, но без особого энтузиазма. Всегда удивляюсь: как он может руководить отделом? Но там, папа, папа...

Правда, меня он как-то у своего папы отстоял. и у нас даже сейчас с его папой очень неплохие отношения. Дружеские, можно сказать.

Ох, уж эти папы!

Когда-то мне пришлось столкнуться лбом с папой Айрата...

Телефон жжёт ладонь. Спину жжёт его взгляд.. Только он умеет так смотреть — прожигать взглядом до костей.

— У нас тут форс-мажор, мы в больнице.

— С тобой всё хорошо? — как наяву вижу обеспокоенный взгляд голубых глаз.

Вкратце рассказываю о случившемся. Успокаиваю.

— Как только всё утрясем, сразу домой, — вру!

Никогда ему не врала, а сегодня вру. Противно.

— Жду тебя малыш, — ни одного упрёка.

Убираю телефон в карман. Поднимаю глаза и вздрагиваю. Айрат рядом стоит, смотрит внимательно.

Увлёкшись беседой с Витей, не слышала как он подошёл. Интересно, он давно рядом стоит?

— Такси приехало, — сообщает сухо.

Больше не улыбается.

Глава 8

Пока до машины идём Марго с Айратом пикируют друг друга колкостями. Марго бесится, чувствую это. Айрат непробиваем. Я не лезу, сами разберутся.

Вспоминаю, что Алевтина со спутником за столом сидела, спрашиваю у неё:

— Куда дела своего красавца?

— В гостиницу отправила, чтобы под ногами не мешался. Знаешь же, в таких делах, некоторые мужики только мешаются, да и незачем ему знать подробности... А Айрат красавчик, такая выдержка... — говорит, с нескрываемым восхищением.

Усмехаюсь.

Айрат всегда был непрошибаемым. Конкретным. Словно знал всегда чего хочет и чётко шёл к своей цели. Не прогибался ни под друзей, ни даже под своего отца. Очень надёжным был. Я ничего рядом с ним не боялась, уверена была, что защитит в любой ситуации. Даже когда он позволил себя отпиздить... не боялась. Даже, когда в СИЗО к нему приходила — не боялась. Пока он меня не предал и мне пришлось учиться жить заново. Без него. Без его защиты.

Этим он на отца своего похож, думаю, хоть и были у них раньше непримиримые разногласия. Интересно, как они сейчас ладят?

В жопу его! Я слишком много о нём думаю. И слишком хорошо думаю. Надо почаще плохое вспоминать...

Какого чёрта?! — провожаю взглядом перекрёсток, на котором, по моим расчётам, таксист должен был повернуть, чтобы высадить меня около дома.

Марго с Алевтиной, живут в одной гостинице. Айрат не знаю где остановился. Не спрашивала.

— Бердяев!? — опережает меня Марго, — я же тебе говорила...

— Что случилось? — сама невинность.

— Мы Риткин дом проехали, вот что случилось...

— Ну, я рядом с ней живу, доставлю на обратном пути, мне скучно одному ехать. И я же должен вас проводить, удостовериться, что всё нормально, сама понимаешь...

— Вы такие интересные мужики... Блять! — высказывает своё мнение о мужиках Марго.

— Рит, пойдём, — тянет она меня за руку, когда останавливаемся. — Ну его на хуй, вызовешь такси, сама доедешь.

Не скрывает недовольства. Но и не кричит, не матерится.

— Да оставь ты их, не маленькие, разберутся, — вмешивается Алевтина.

Но Марго не слышит.

— Рит... — в глазах паника.

Я знаю, что она переживает за меня. Она одна знает, через что мне пришлось пройти. Только она ...

Кровотечение открылось ещё в поезде. Без болей, без ка-

ких либо на то предпосылок. Я стояла в тамбуре с чемоданом, с нетерпением ожидая когда поезд остановится, полностью готовая к выходу. По ногам потекло. Совсем, как у Нинель сегодня.

И вместо того, чтобы обратиться к проводнице за помощью, я стащила свой чемодан и пошла к Марго пешком, не понимала, как в таком состоянии в такси ехать. Идти было недалеко, всего пару кварталов. Но жара такая стояла, что асфальт под ногами плавился. Народу на улице никого почти. Я тащила свой неприподъёмный чемодан, оставляя за собой кровавую дорожку на асфальте, и единственной мыслью было: дойти.

Марго подала на развод. Мужа выгнала, жила пока одна.

Когда я до неё дошла, силы закончились, зашла в квартиру, сползла по двери на пол, очнулась в больнице.

Ребёнка спасти не удалось.

И вот тогда я узнала, что такое боль. Ломало так, что жить не хотелось. Я не ела, не пила, просто лежала без сил на кровати и мечтала о смерти. Мне казалось, что только смерть избавит меня от мук угрызания совести за то, что я пыталась избавиться от своего ребёнка.

Но я оказалась, на удивление, живучей...

— Бабоньки, выйдите кто может, а кто не может, уши закройте, мне тут пиздюлей одной мадам надо вставить, — через несколько недель врывается к нам в палату Марго. Взьёрошенная вся.

Я знаю, что некоторым вставать нельзя и знаю, как Марго умеет орать.

— Я выйду, — говорю ей.

От бесконечно-долгого лежания, голова кружится. Ноги ватные. Иду по стенке.

Спускаемся с ней этажом ниже, останавливаемся у окна. Она достаёт сигарету, прикуривает, хотя в больнице курить нельзя. Но ей пофиг. Мне, в общем-то, тоже.

Забираюсь на подоконник, стоять сил нет.

— Он знал? — вопрос в лоб.

— Нет.

— О таких вещах надо говорить, — покачивает осуждающе головой.

Марго, несмотря на свою бесшабашность, всегда была очень честной. Этим она мне немного Айрата напоминает.

— Он мне изменил... — говорю спокойно. Болеть больше нечему.

Марго долго смотрит на меня, выпуская дым в сторону.

— Гандон, чё..., — выдаёт свой вердикт. — В общем, он разрушил общагу, отец забрал его, думаю, пару лет, точно, будет вне зоны досягаемости...

— Дай сигарету, — протягиваю руку.

Внутри пусто.

— А тебе можно?

— Мне теперь всё можно... — руки дрожат, но прикуриваю.

— Рит, тут группу набирают в Хорватию, поехали, сменишь обстановку...

— Поехали...— соглашаюсь.

Мне всё-равно куда ехать, лишь бы подальше.

Да, я любила его больше жизни, но это когда было? Мне давно уже не восемнадцать. Я выросла.

У меня два высших образования, второй или третий, (я хрен знаю, как считать) размер груди, отличная растяжка. Я неплохо зарабатываю, разбираюсь в музыке, знаю несколько языков и правильный ответ на вопрос про “пики точёные”. И честно, не знаю, что из этого всего важнее для выживания в городских джунглях.

У меня есть квартира, небольшая, но своя. Машина, которую мне подарил Витя.

И надо признать, что если бы не мужики, возможно, этого всего у меня бы не было.

Я прекрасно научилась облачаться в защитную броню и превращаться в бесстрашного воина, когда в этом есть необходимость. Это своего рода самогипноз, когда ты на полном серьёзе прячешь свои слабые места не только от соперника, но и от самого себя.

Реальная жизнь ведь неровная, шершавая и ее больно жить. Я не знаю ни одного человека, кто смог прожить достаточно много лет и не побывать под метафизическим танком, который катается по тебе туда-сюда.

Боль от расставания – разумная плата за близость, дове-

рие и любовь. Если тебе не больно терять человека, логично спросить: а любил ли ты его вообще? Поэтому сближаться всегда страшно.

Даже Витю я не впускаю в себя, хоть и согласилась выйти за него замуж. Он не знает про меня почти ничего. Всё знал про меня только Айрат.

Но это в прошлом.

Я не буду от него бегать, демонстрируя ему свою слабость.

— Всё будет хорошо, — успокаиваю Марго. Улыбаюсь.

Она недовольно морщится, но всё-таки выходит.

Айрат пересаживается на заднее сиденье...

Глава 9

Машина мягко трогается с места. Я откидываюсь на спинку кресла. Айрат сидит ко мне в полоборота, смотрит непонятно. Вроде совершенно спокойно, и в то же время так, словно в душу мою заглянуть пытается и прочитать там что-то.

И конечно, сердце сжимается. Самогипноз начинает сбивать.

Чёрт!

Собираю волю в кулак и только хочу спросить: к чему весь этот цирк? — он разворачивается в мою сторону. Локоть левой руки ставит на спинку кресла, голову кладёт на кулак, ноги вытягивает, насколько хватает места. Поза расслаблена, выражение лица — тоже. Только глаза блестят, отражая законные огни ночного города.

— Расскажи мне о себе Рит... — голос тёплый, уютный.
— Я совсем ничего о тебе не знаю... — ни капли агрессии.

Немного расслабляюсь.

— Что ты хочешь знать?

Мы раньше часто разговаривали с ним искренне. Я всё ему рассказывала. После него больше никому из мужчин так не открывалась. И сейчас, находясь рядом с ним, начинаю чувствовать себя на удивление комфортно. Почти, как раньше.

Губ его вдруг касается едва заметная ухмылка.

Напрягаюсь мгновенно.

— Как до такой жизни докатилась, Рит? — выдаёт он любимое выражение Коха.

Несколько мгновений выражение лица его не меняется, и я никак не пойму — угорает он надо мной или всерьёз? Но в следующую секунду, его губы растягиваются в хищном оскале.

Боже, как я вообще могла подумать, что мы с ним можем разговаривать по-дружески?!

— Катилась, катилась, катилась... — замедляюсь...

Прищуриваюсь.

Ты даже не представляешь Айрат, как легко было скатиться вниз, если бы не... мужчины. Вернее, один.

В столицу Хорватии — Загреб, мы прилетели в начале сентября. У паспортного контроля, прямо внутри, нас встретил мужчина. И вскоре, всей толпой, мы уже выходили из зала прилёта. Нас было десять человек, десять молодых девчонок, но хорошо знала я только Марго. Остальные были незнакомыми. Встречалась с ними на репетициях, но учитывая, что задействована я была всего в двух номерах, да и то сольно, встречалась я с ними нечасто. Сольные номера готовила самостоятельно. В остальное же время, сидела безвылазно дома, шила костюмы. Шитьё успокаивало, отвлекало от тяжёлых мыслей, я занималась этим с большим удовольствием и рвением.

Чемодан до отказа забит костюмами собственного производства. Остальные вещи пришлось оставить у Марго. Зачем тащить лишнюю тяжесть, когда всё можно будет купить? Импресарио обещал нам неплохие деньги. Я его, правда, ни разу не видела. Как и Марго. Но нас это ни капли не смущало. Мне совсем недавно исполнилось девятнадцать. Марго ненамного старше. Какие сомнения, когда вся жизнь впереди?

Нас загрузили в микроавтобус и повезли в Сплит.

Виды за окном потрясающие, погода прекрасная, настроение отличное. Давно у меня не было такого хорошего настроения. Девчонки оживлённо галдят, переговариваются, смеются. Я слушала их вполуха, любовалась видами и искренне улыбалась, впервые за долгое время.

Как хорошо, что мы с Марго решили поехать!

Часов через пять-шесть мы, наконец, доехали и нас сразу же доставили в заведение где будем работать.

Счастье! Я засиделась, залежалась, измучилась от безделья и мечтала уже побыстрее заняться любимым делом. Мечтала, наконец, выйти на сцену.

Когда вошли внутрь, немного растерялась. На входе длинная барная стойка. Само помещение немаленькое, но очень тёмное. Вокруг столиков, мягкие диваны. Столы будто изолированы друг от друга. Сплошные приват зоны. Но больше всего поразила сцена — она совсем небольшая. Уж точно не рассчитана на выступление коллектива из десяти человек.

Темноволосый мужчина и девушка-блондинка, сидящие, до нашего появления, за баром — поднялись. Приветливо улыбнулись. Представились.

“Красивый” — отметила про себя, рассматривая мужчину. Высокий, хорошо сложен, чёрные волосы средней длины, тёмные глаза, с мужественной, как принято говорить, ямочкой на подбородке. Как потом выяснилось, директор заведения. Девушка тоже была красивой. И очень высокой. Почти одного роста с мужчиной.

Она сообщила, что некоторое время будет нашим переводчиком, помощником и гидом. Говорила с очень милым акцентом. Имя её я не запомнила, оно было необычным, да и всё моё внимание в этот момент, было приковано к сцене, на которую нас сразу же и пригласили подняться.

Мужчина некоторое время внимательно нас рассматривал, словно товар на рынке, потом ткнул пальцем в меня, Марго и ещё одну девочку.

— Шоу-стриптиз, — перевела девушка, но это было понятно и без перевода.

Я вытаращила на неё глаза. Девчонки зашушукались.

— Остальные в зал, — добавила она.

Первая мысль, что посетила голову — бежать. Но куда? Денег на обратный билет — нет. Мы и сюда-то прилетели в долг.

— Я...Э-м-м..Не могу стриптиз, — делаю я осторожную попытку объяснить.

Коленки трясутся.

— Почему? — спрашивает мужчина по-русски.

Глядя на меня, как мне показалось, с лёгким интересом.

Все остальные молчат, уставились на меня.

— У неё месячные, — вклинилась Марго, дёргая меня за руку. — Подожди, не кипиши, разберёмся, — шепчет на ухо, остановив меня от дальнейшей дискуссии.

Мужчина рассмеялся. Девушка-гид — тоже. Я залилась краской.

Но это было почти правдой.

Из больницы меня выписали с условием, что я продолжу лечение амбулаторно. Но я туда не ходила, боялась встретить знакомых, прописка у меня была всё ещё общаговская. Таблетки принимала, уколы мне делала Марго. Цикл более-мее установился, но мазня продолжалась по две недели, месячные были очень болезненными. Живот тянуло постоянно. Я жила на обезболивающих.

— Пройдут, а пока в трусах, — мужчина, продолжая улыбаться, кивнул подбородком на девушку, передав ей слово.

Мои глаза мигрируют чуть ли не на лоб в ответной реакции, но мужественно молчу.

— Сейчас вас покормят, выдадут аванс, потом мы поедем в апартаменты, где вы будете жить. Завтра у вас выходной. Утром я заеду за вами, нужно будет поехать в полицию, больницу и в магазин, если что-то нужно будет купить. — говорила она по-русски чуть ли не хуже мужика-хорвата.

Но очень мило. И была сказочно хороша собой. Натуральная блондинка, с глазами непонятного цвета: то ли болотно-го, то ли светло-карие, что для блондинки довольно необычно. С очень тонкой белой кожей.

Она жестом пригласила нас пройти в соседний зал, где уже был накрыт для нас стол: паста, закуски, вино. Всё, как для дорогих гостей. Вокруг все улыбаются, шутят, отвешивают нам комплименты, словно мы и вправду в гости к ним ненадолго заскочили. Никакого напряжения. Девчонки накинулись на вино. Я не пила, у меня таблетки. Марго пригубила для храбрости и ясности мыслей, но злоупотреблять не стала.

В процессе, по одному, нас начали приглашать в кабинет. В какой-то момент, ко мне подошла девушка-гид.

— Стриптиз, это лучше для начала, — прошептала она мне на ухо.

Я хотела уточнить подробности, но Марго остановила, дёрнув меня за руку. И я не стала.

Для личной беседы с директором, меня пригласили последней.

— Маргарита, — прочёл он моё имя, показывая на стул.

— Рита, — уточнила я, присаживаясь.

Никогда не любила своё полное имя.

— Ты очень бледная, — окинул он меня внимательным взглядом. Я кивнула. — Здесь недалеко очень хороший пляж, у тебя будет время, сходи, мне кажется тебе очень пой-

дет загар...

Я опять кивнула. Все мысли были заняты другим, какой загар? И с чего вдруг такая забота?

Он положил на стол деньги, подвинул лист бумаги, указав пальцем место, где я должна расписаться.

Я поставила подпись, взяла деньги, встала и пошла к двери.

— Рита, — позвал он меня.

Я остановилась, но не повернулась.

— Ты очень красивая.

Я кивнула двери, и вышла, не сказав ему ни слова.

Почти всю ночь девчонки на нервах уничтожали прихваченный с собой алкоголь. Продуктов тоже было предостаточно. Некоторые даже сухари с собой привезли, наслушавшись чьих-то рассказов, что в Европе всё дорого, а деньги нам светят только через месяц. Но деньги нам выдали сразу, правда в долг.

Я в посиделках участия не принимала. Пошла спать. У нас с Марго была отдельная комната. Остальные, восемь человек, разместились в соседней, на кроватях, которые стояли рядышком друг с другом, совсем как когда-то в нашем колхозном бараке.

Марго тоже не стала засиживаться, полночи мы с ней пытались придумать план побега, но так ничего и не придумали. Решили для начала попробовать прозондировать почву через девушку-гида, имя которой не запомнили.

С утра пораньше она за нами заехала, как и обещала. Первым делом, я уточнила у неё имя.

Её звали Лиене. Она из Литвы. Живёт здесь уже прилично лет, но больше, в тот день, она нам ничего не рассказала. На контакт шла неохотно. Или просто не выпалась и была не в настроении. Выглядела опухшей и недовольной. Поговорить наедине у нас с ней не получилось.

В первую очередь нас повезли в больницу, где взяли кровь на анализ и мазок, что напрягло ещё сильнее. Гинеколог-женщина долго мяла мой живот. Морщилась. Что-то спрашивала. Пришлось вкратце поведать ей свою историю. С трудом, но она вроде бы даже меня поняла. Выписала рецепт, сказала, что надо пить обязательно. Я, естественно, ничего пить не планировала. Лишних денег не было. Нам нужны были деньги на билеты.

Потом, в полиции нам выдали какие-то карточки. И... забрали паспорта, сообщив, что паспорта они отдадут нашему работодателю, как только всё будет готово.

Ситуация осложнилась...

Глава 10

Хорватия. Прошрое.

Следующие сутки я украшала блёстками наши с Марго трусы. И это были не две верёвочки, а настоящие, почти бабушкины труселя.

Пару раз мы с ней выходили прогуляться, но быстро возвращались. Надолго нас не хватало. В толпе празднующихся отдыхающих, коих в это время года было немало, чувствовали себя, как на чужом празднике. Денег не было. Тратить было нечего. Аванс распределили так, чтобы не умереть с голоду. Никаких излишеств.

Мы прекрасно знали, что такое стриптиз. У нас он тоже есть. Для нас не было секретом, что многие из наших там подрабатывали. Учёбу надо как-то оплачивать. Не все готовы в школе работать за две копейки и довольствоваться малым. Не всем родители в состоянии помочь.

Самый главный и смешной миф — стриптизёрши не спят за деньги. Многим девчонкам просто-напросто стыдно говорить, чем именно они зарабатывают, да и владельцам бизнеса не нужны лишние проблемы с законом.

Мужиков, которые уверены, что девчонки исключительно танцуют в таких заведениях, сами стриптизёрши ласково называют “оленьями”.

Безусловно встречаются те, которые не предоставляют до-

полнительных услуг, только танцуют, но это примерно, как пойти работать в ГАИ и жить на зарплату. Такие идеалисты, как правило, в суровом бизнесе надолго не задерживаются. Либо начинают работать, как все.

Мы не наивные дурочки, но к такому повороту событий готовы не были. Иллюзий особых не питали, но и сдаваться не собирались. Настраивались на борьбу.

Да и выбора у нас не было.

Я успокаивала нервы шитьём, не обращая внимания на исколотые в хлам пальцы. Марго лежала рядом, генерировала идеи, но пока все они были так себе. Как ни крути, а без помощи не обойтись. Только где искать её, эту помощь?

Ближе к вечеру к нам зашла Лиене, чтобы сообщить во сколько за нами приедут. Поморщилась, обнаружив беспорядок в кухне, но ничего не сказала. Я уже пару раз мыла за девчонками посуду, Марго пыталась поговорить — бесполезно. И мы плюнули. Не стали обострять и без того нервную ситуацию.

Когда зашли в примерку, волнение, как ни странно, отпустило.

Гримёрка довольно большая, прямо за сценой, только для артистов. Зеркала вдоль стены, как положено. Стулья, туалет, душ, есть куда костюмы повесить. У тех, кто в зале работает, своя. В этой, только артисты. Я будто в своей стихии себя почувствовала. Расслабилась даже.

Когда нас привезли, никого ещё не было. На входе спро-

силы: что будем пить. Мы отказались. Не знали, что за счёт заведения положен один напиток. Об этом узнали позже. У Марго был коньяк с собой для храбрости. У меня вода.

Через некоторое время зашли ещё трое. Поприветствовали нас сухо и занялись своими делами, о чём-то между собой переговариваясь. Все разные. На любой вкус, что называется. И на танцовщицу только одна из них похожа, остальные не пойми что. У одной задница...

Чёрт, как она с ней танцует, с такой же даже ходить непросто? Сама невысокая, но задница, почти до колен свисает. Здоровенная, руками не обхватить.

— Блядь, — наклоняется к моему уху Марго, — наша Люба по сравнению с этой коровой, дюймовочка. — С ностальгией в голосе вспоминает Марго нашу Любашу, с которой мы жили в одной комнате в общежитии.

Сердце сжимается в груди тоскливо. Мамы-Любы нам очень не хватает, часто с Марго о ней вспоминаем. Да и других тоже часто вспоминаем: Лизу, Валюшу, Сашку, которая пела нам задушевные песни перед сном. Нинель-лапушку. Коха.

Для одного из номеров я выбрала песню "Беспечный шёпот" (Careless Whisper, песня Джорджа Майкла), которую Лёха частенько нам играл в подвале, где располагались раздевалки хореографов. Он божественно её исполнял.

Даже якутского шамана Лёвушку, который совсем не Лёвушка, не раз вспоминали. Я запомнила его предсказание,

только думать о нём — боюсь.

— По хуй, я трусы сегодня не сниму, — Марго закидывает ногу на стену, сорвав восхищённые взгляды присутствующих. У неё шикарная растяжка. И, похоже, она сегодня решила сделать упор именно на это, — А сисек у меня всё равно нет, пусть смотрят уроды, не жалко. Ненад, блядь, шило ему в зад, — вспоминает добрым словом нашего работодателя. Козёл... Долбаный ублюдок! Не на тех напал! — коньяк на неё действует не лучшим образом, начинаю за неё бояться.

У меня сиськи есть, мне их показывать жуть как жалко почему-то, но ничего не поделать, придётся. Хорошо ещё, что трусы разрешили не снимать. Радуюсь малому.

— Подойди, — зову Марго, пока она не поймала кураж и не начала горланить песни во всё горло, как это нередко бывало в общаге.

— Аккуратней, — негромко говорит та, что похожа на танцовщицу, — он всё понимает.

О! — родная речь.

— Ты откуда? — Марго махом переключается на девушку, забыв о директоре.

— Да похоже из ваших краёв, — разворачивается к нам так, чтобы остальные лицезрели только её спину.

— Давно тут?

— Потом, — говорит одними губами, — ты из балетных что ли? — спрашивает меня громко. Окидывая взглядом с

ног до головы.

Из груди вырывается истеричный смешок.

Я ведь, дурочка с переулочка, даже пуанты с собой при-тащила. А теперь вот думаю что с ними делать: сразу вы-бросить или оставить на память, как воспоминание о своих несбывшихся мечтах?

Разговор прерывает зашедший к нам официант, тычет пальцем в девушку, она кивает и выходит первой.

Когда возвращается, уходит Марго. Мой выход следую-щий.

— Там у самой сцены, справа, вояки укуренные в хлам сидят, аккуратней, — шепчет она мне на ухо, — постарайся близко к ним не подходить. Но вроде Ненад рядом, поможет, если что.

— Спать заставляют? — уместнее было бы: "трахаться", но слово это я из себя выдавить не могу.

После того, как у нас мазок и кровь на анализ взяли, мысль эта не покидает мозг ни на секунду.

— В открытую — нет. Но жрать нечего будет, сама пой-дёшь, — кривит губы в усмешке. — Не бойся выходить в зал и постарайся найти "олень", чтобы кассу тебе делал. Сюда не только неудачники приходят, есть и нормальные. Их мало, но есть. Я последний день сегодня, меня выкупили. Так что, удачи вам...И ещё, — наклоняется к самому уху. — Ищите возможность переправиться в Италию, там денег больше и безопаснее.

— Ненад? — тороплюсь, у Марго композиция заканчивается.

— Бывает и хуже. У него жена откуда-то из наших краёв. Но если денег не приносишь, терпеть долго не будет...как все, — морщится.

Марго вваливается в гримёрку. Не морщась, делает несколько глотков коньяка из бутылки. Настраиваюсь, ударяя себя несколько раз кулаками по бёдрам.

В спину летит напутственная многоэтажная матерная тирада. Завожусь и, кажется, ничего не боюсь.

Больше мы эту девушку не видели. Даже имя не успели спросить. Но слова её нам очень помогли.

Через две недели нам выдавали первую зарплату. Вот только мы с Марго ничего не получили. Ещё и должны остались. Билеты, жильё, аванс, отчисления импресарию, которого мы ни разу не видели. И всё! — как хочешь, так и живи.

Публика наши импровизированные выступления принимала хорошо. Денег кидали немало, вот только брать их было нельзя. Желающих продолжить вечер, было тоже предостаточно. Я отказывалась. Ненад ничего мне не говорил. Даже про трусы не напоминал. И ни одного моего выхода на сцену не пропускал. Сидел на диванчике, глаз с меня не спускал. Это напрягало не меньше, чем пытающиеся залезть в трусы перепившие гости клуба. С этим нужно было что-то делать.

К тому же, у меня открылось кровотечение, усилились боли. Танцевать было всё сложнее. Деньги заканчивались. Бли-

зился день, когда нам не на что будет купить еду.

Марго вынуждена была выйти в зал, искать “оленья” и врача. Я не могла. Знала, что надо, но никак не могла решиться.

К тому моменту Балканский конфликт уже несколько лет как благополучно разрешился. Адриатическое побережье процветало и веселилось. Ночные клубы на каждом шагу. Публика разношёрстная, мужики всех мастей и национальностей. Немало русских. Многие из них, в прошлом, принимали участие в военном конфликте и сейчас они жаждали хлеба и зрелищ. Девочек свозили сюда со всех концов света.

В моей жизни был всего один мужчина, я любила его до безумия и решиться на общение с другими, было пиздец как непросто.

В тот день Марго вернулась очень поздно, вернее рано, под утро. Спала. Я сидела в сквере, недалеко от наших апартаментов, курила.

Из кустов неожиданно вывалилась на меня Лиене, немного навеселе. Между собой мы её звали Лена. Уж больно непривычно было её имя для нашего языка.

— Привет! — подходит.

— Лиен, есть врач? — показываю на живот.

Мы с ней почти не пересекались в эти дни, а если и виделись, она приветствовала нас довольно сухо. Мы не навязывались. Но сейчас она сама ко мне подошла и я спросила. Ситуация была критической.

— Есть... — без разговоров и уточнений, сообщает, и, не

откладывая в долгий ящик, начинает звонить. Я не мешаю.
— Тебе повезло, он согласен тебя принять.

Уточнить ничего не успеваю, она стаскивает меня со скамейки за руку:

— Иди давай, а то опоздаешь, он ждать не будет.

И я, как дура иду. Бегу, можно сказать.

— Скажешь, что от меня, — орёт в спину.

Только когда прихожу, понимаю, что попала совсем не туда. Но сообразить ничего не успеваю. Доктор выходит из кабинета, провожает пациента.

— Лиене? — спрашивает.

Я киваю и молча следую в направлении, указанном мне рукой.

Сажусь в кресло.

— Проблемы? — чёрные глаза внимательно всматриваются в моё лицо. Губ не вижу — маска.

Сглатываю, пялясь на него, понимая абсурдность ситуации.

Он клацает челюстью показывая тем самым, что рот бы мне открыть не мешало, коль пришла.

Я рот не открываю, молча лезу в сумку. Достая маленький словарик, который всегда ношу с собой. Языки, на первый взгляд, похожи, но когда дело касается специфических терминов, всё становится намного сложнее.

Руки предательски дрожат.

Нахожу слово: кровотечение и показываю на живот.

Его чёрные глаза, мгновенно холодеют. Аура нарочитой вежливости — исчезает.

Не успеваю рта открыть, он стаскивает маску. Встаёт и открывает мне дверь, давая понять, чтобы я проваливала отсюда к чёртовой матери.

Он очень высокий и здоровый. Тут вообще много здоровенных мужиков.

Я судорожно сглатываю ком в горле. И, по-хорошему, надо бы валить отсюда, чтобы подумать о произошедшем в самой тёмной глухой конуре. Но другого варианта у меня нет, а я очень хочу жить. Именно в этот момент, понимаю, как сильно я хочу жить. И я сижу.

Когда он начинает мне что-то быстро-быстро говорить, показывая рукой направление движения, меня мандраж колотит с такой силой, что перед глазами плывёт.

Нервы не выдерживают, и по горящим щекам начинают ручьями стекать слёзы...

Не хочу, чтобы он видел, как я позорно рыдаю. Закрываю лицо руками.

Глава 11

Очухиваюсь только когда понимаю, что никаких голосов рядом больше не слышу. Раздвигаю пальцы, смотрю сквозь образовавшуюся щёлку — никого нет.

Настороженно осматриваюсь по сторонам, пытаюсь понять: вышел он или где-нибудь в углу стоит и на меня пялится? И когда никого не обнаруживаю, решаю сбежать.

Но кресло это...стоматологическое. Из него хрен просто так выберешься, особенно когда ни ручки, ни ножки тебя не слушаются. Начинаю выковыривать из него своё брентельце, но до конца этого сделать не успеваю, так и замираю, раскорячившись, когда он входит. Хочется сквозь землю провалиться.

Более жопной ситуации, сложно представить. Притащиться с кровотечением к стоматологу, разрыдалась, а теперь вот стою,отклячив задницу...

Тем не менее собираюсь, задницу подбираю, вытягиваюсь перед ним в полный рост, как солдат, только честь не отдаю.

— Кхм. — откашливаюсь. — Извини пожалуйста за беспокойство, я пойду, — говорю по-русски, напроць забыв все слова, которые за это время успела выучить. — Делаю осторожный шаг в сторону двери.

Но он стоит в проёме недвижимо, как столб. Останавливаюсь в нерешительности. И пока я переминаюсь с ноги на

ногу, раздумывая между делом, как лучше поступить: в щёлочку попытаться протиснуться между ним и косяком, или всё-таки попросить его подвинуться, — он протягивает мне руку, кивком головы приглашая следовать за ним.

Несколько секунд мешкаю, а потом почему-то, вкладываю свою руку в его ладонь, и послушно за ним следую

Пока до машины иду, перебираю в голове всякие разные варианты развития событий: он псих, маньяк, извращенец, продавец органов на пару с Лиене. Или, может, просто решил меня в полицию сдать?

А я даже с Марго не попрощалась...

Едем в полной тишине, он даже музыку не включает. Мне страшно до чёртиков.

По позвоночнику ручьями пот струится. Но я же смелая, блин...

Страх не отступает даже когда подъезжаем к больнице, не опознать которую невозможно. И становится ещё сильнее, когда мы спускаемся на цокольный этаж. Но выбора у меня нет. Если он мне не поможет, в чём я сильно сомневаюсь, то я рано или поздно скончаюсь от потери крови или от передоза обезболивающих. И порезав меня на мясные ленточки, он только ускорить мою кончину. Поэтому бегу за ним вприпрыжку, стараясь не отставать.

Он жестом просит меня остановиться, заходит в какую-то дверь. Капельки пота, что катились по моей спине, мгновенно превращаются в лёд, примерзают к коже.

Ощущаю себя, как в фильме ужасов, только всё это происходит со мной, к сожалению, по-настоящему. И по собственной воле.

Пока жду, в очередной раз подумываю: а не сбежать ли мне? Вариант смерти от потери крови кажется уже более гуманным и безболезненным, чем если они сейчас разделают меня, как свинюшку. Планы нарушает распахнувшаяся перед носом дверь. И я вхожу.

За столом сидит мужчина, но от страха я чётко вижу только его очки: большие, в чёрной оправе. Смотрю точно в них.

Тот, что меня привёз, сидит на кушетке. Стараюсь о нём не думать. Два незнакомых мужика в замкнутом пространстве — это слишком. Концентрируюсь на очках.

Когда он начинает задавать вопросы, на страх времени не остаётся. Вопросы конкретные и по делу, да ещё постоянно приходится заглядывать в словарь.

Не понимаю, что не так, когда говорю ему, что у меня был всего один мужчина, я сюда практически из больницы прилетела, ничем не болею. Он снимает очки и несколько минут внимательно меня разглядывает. Его глаза — серые, что довольно редкое явление для этого региона, во взгляде удивление.

Мне кажется, что он меня не понял, поэтому громко и чётко произношу:

— Один, — и для убедительности демонстрирую ему указательный палец.

Мужчины перекидываются между собой парой быстрых фраз. Он водружает очки на своё место, и приглашает меня пройти в соседнюю комнату.

Долго осматривает. Разглядывает свою перчатку, нюхает её зачем-то. Следом спрашивает, когда я ела, сопровождая свои слова жестом: сложенными горсткой пальцами показывает на рот.

Я не понимаю чего он от меня хочет. Мотаю подбородком непонимающе. В ответ он демонстрирует мне шприц и стучит пальцами по сгибу моей руки.

Вытаращив глаза, я отчаянно мотаю головой из стороны в сторону.

Прекрасно осознаю, что два здоровенных мужика могут сделать со мной всё что угодно и без наркоза, но призрачная надежда, что в сознании я хоть что-то смогу им противопоставить, успокаивает.

— Будет больно, — предупреждает он меня.

И ждёт моего кивка.

— Божен, — зовёт.

Так я узнаю имя того, кто меня сюда привёз.

Заходит Божен, меня просят раздеться полностью — подчиняюсь. Оба моют руки, надевают перчатки. Мне привязывают ноги и я начинаю молиться.

Господи Иисусе, спаси и сохрани меня бестолковую, если я сегодня выживу, меня не убьют, не продадут мои органы на чёрном рынке, я обязательно выберусь отсюда и буду счаст-

лива...Обещаю. Аминь!

Раздаётся металлический лязг. Непроизвольно поворачиваю голову на звук. От вида инструментов в его руках, становится дурно, но я как заморожённая следую взглядом за каждым его движением, успокаивая себя тем, что контролирую процесс.

Божен берёт меня за руку. Напрягаю мышцы живота, почувствовав внутри инородный предмет.

— Не дергайся. — следует тут же окрик.

Мне дико страшно. Я не знаю, что он со мной делает. Я не знаю, как я за всё это буду расплачиваться. Я вообще ничего не знаю...

Закусываю щёку изнутри до крови. Со всей силы сжимаю руку Божена.

Когда у меня случился выкидыш и меня привезли в больницу, меня чистили наживую, без наркоза. Нет, мне сделали какой-то укол предварительно. Но то ли он на меня не подействовал, то ли укол был так себе, я чувствовала всё. Это было долго и адски больно.

Сейчас мне тоже больно. Но я терплю. Таращусь во все глаза в потолок, пытаюсь отыскать на нём хоть что-то, за что можно зацепиться взглядом, но там ничего. Потолок кипенно белый, ни пятнышка.

— Всё, — кто-то гладит меня по голове.

Чувствую, как мне освобождают ноги.

Но я так и лежу не двигаясь, уставившись в потолок, пы-

таясь осознать жива я вообще или умерла уже давно и поэтому ничего не чувствую?

Вздрагиваю, когда к моей заledenевшей руке прикасаются чьи-то тёплые пальцы. Резко вскидываю взгляд.

— Можно встать, — говорить Божен, скользя по моему распластанному телу весьма заинтересованным взглядом.

Непроизвольно прикрываю грудь рукой. Боже! Как хорошо, что я отказалась от укола.

Каждый вечер, на протяжении почти месяца, я выхожу на сцену и демонстрирую свою грудь незнакомым мужикам. Я к этому вполне привыкла. Я привыкла даже к тому, что некоторые из них. пытаются выпрыгнуть на сцену и вцепиться в мою грудь своими грязными ручищами. Но сейчас, оказавшись голышом перед незнакомым мужчиной, мне почему-то жуть как неловко становится.

Настороженно смотрю на него несколько секунд, прежде чем решиться подняться.

Он помогает мне встать. Иду к кушетке на негнущихся ногах, держась рукой за грудь. Ложусь. На живот кладут что-то холодное. Сверху накрывают покрывалом. Трясёт. Прикрываю глаза. Ситуация безумная.

— Рита, — слышу, как кто-то зовёт меня, — распахиваю глаза — очки.

Мужчина жестом просит развернуться, показывая шприц. — Это надо, — добавляет.

Послушно поворачиваюсь, позволяя ему сделать укол и на

какое-то время отключаюсь.

Когда Божен подвозит меня к апартаментам, наши уже уехали. За опоздания и прогулы, нам грозит серьёзный штраф. Я не знаю, что с этим делать, но перед тем, как выйти из машины, всё-таки интересуюсь у него про деньги...

Он мне ничего про плату не сказал.

— Лиене, — отвечает он и ласково треплет меня по щеке.

— Лиене? — переспрашиваю, чтобы убедиться, что я правильно всё поняла.

Так-то денег у меня всё-равно нет, но коль я жива, есть призрачный шанс заработать

В ответ Божен несколько раз утвердительно кивает.

Чёрт! Кто она такая эта Лиене? Глава местной мафии, наркобарон, агент под прикрытием?

На эмоциях обнимаю его. Он хлопает меня по спине и я выскакиваю.

Надо, наверное, сходить в бар, позвонить Ненаду? Сказать, что заболела?

Хрен знает, что теперь будет...

Забегаю в комнату, на подушке лежит записка от Марго: “Я блядь, перепугалась до усрачки, надо было разбудить. Ты болееешь, из комнаты не выходишь”.

Не успеваю расслабиться, в дверь звонят.

Глава 12

Хорватия. Прошное

Два дня провела дома и два дня Ненад приезжал ко мне с проверками. Каждый раз напоминая, что я не должна никуда выходить вечером, коль болею. Хорошо хоть не спрашивал чем.

— Он всегда всех проверяет? — интересуюсь у Лиене.

Она пригласила нас прогуляться по пляжу. Сама зашла и пригласила. Я обрадовалась, не видела её после того дня, хотелось с ней поговорить. Да и неплохо было бы уточнить, что я ей задолжала.

Чувствую себя намного лучше. Температуры нет, кровотечения тоже вроде нет, боли прошли. Так, потягивает немного, но всё вполне терпимо, не сравнить с тем, что было. Правда, танцевать пока не могу, но и отсиживаться в комнате тоже больше нет возможности. Вечером выхожу в зал. Волнуюсь дико.

— Хуй знает, — что-что, а матерится она без акцента. — Меня не проверял, — отвечает равнодушно, но тут же в глазах её вспыхивают озорные искорки. — Ты попала Божену прямо в сердечко, — прижимает руки к груди, смешно округляя глаза, — он только о тебе и говорит...

— Что? — мотаю головой, несколько опешив.

Мне по-честности немного неудобно перед ним. Незнако-

мый мужчина видел меня в таком неприглядном состоянии. Абсолютно голой, к тому же. Брр...

Только открываю рот, чтобы спросить: чем мне теперь за всё это расплачиваться?

— У тебя правда был всего один мужчина? — опережает меня Лиене. Смотрит с нескрываемым интересом. — Ты такая хорошенькая и один мужчина? Напомни-ка, сколько тебе лет? — широко улыбается. Ей весело.

В ее голосе нет издевки, только любопытство и интерес, но мне почему-то становится неприятно. Щёки вспыхивают, дыхание сбивается.

— Да ладно?! — её явно забавляет моя реакция. — Это правда? — хихикает.

Отворачиваюсь. На глаза слезы наворачиваются.

Я не тряслась над своей девственностью, не хранила её целенаправленно до свадьбы. Я хотела по любви. И я влюбилась. Без памяти.

Прикрываю рот рукой и начинаю позорно поскуливать. Так дерьмово становится.

— Это запрещенная тема, — вмешивается Марго, заметив моё предистеричное состояние.

Я опять сегодня кричала во сне. Звала Айрата. Он стоял совсем рядом, казалось, руку протяни и дотронуться до него можно. Я тянула...тянула..., но так и не дотянулась. И он ушёл...

Потом мы долго сидели с Марго на кровати, разговари-

ли.

Я часто о нём думаю. Стараюсь не думать, но всё-равно думаю. Особенно, когда остаюсь одна. Особенно, когда плохо. И только сейчас до конца осознаю, что главное, что он мне давал, кроме любви, это ни с чем не сравнимое чувство безопасности.

Но чем глубже нас засасывает в себя эта клоака, тем четче понимаю — всё, назад пути нет.

Сердце в такие моменты сжимается. Никак не свыкнется с потерей.

— Девочка моя хорошая, — Лиене неожиданно обнимает меня. — Это сложно. Это очень сложно... — прижимает к себе сильно-сильно, а потом вдруг начинает быстро-быстро говорить: — Я очень хорошо тебя понимаю. Мы с Гораном случайно познакомились. Я приехала сюда с подружками на несколько дней и всё, осталась навсегда. Влюбилась. Так влюбилась, что ничего с собой поделаться не могла... Потом беспокойно здесь стало, мне рожать вот-вот, мы решили, что я домой поеду, чтобы ребёнком не рисковать, а он уже потом, когда всё закончится. Но он так и не приехал. Последний раз звонил, когда дочери месяц был, а потом исчез. Я обошла здесь всё, никаких следов. Когда ехала, думала, куплю пистолет, убью любого, если с ним что-то случилось... Но его никто не видел...

Я настолько поражена её рассказом, что дышать не могу. — А дочь? — только и получается выдавить.

— С родителями.

Прижимаю её к себе, по щекам слёзы ручьями катятся. Жалко её. Себя жалко.

— Ты ебанутая? — опускает нас на землю Марго.

Лиене дёргается, отстраняется от меня, смотрит на Марго растерянно, а я вдруг понимаю, что она не так уж и юна. Вокруг глаз залегли морщинки, в уголках губ, которые сейчас заметно подрагивают, — тоже. Сколько же ей лет?

— У тебя блядь ребёнок брошенный, а ты тут члены со-сёшь, оправдывая себя тем, что любовь всей своей жизни ищешь...

— Что ты сказала? — сжимает кулаки Лиене, подлетая к Марго.

Та быстро отскакивает в сторону. Но твою ж мать, не сдаётся.

— Да его блядь прикопали где-нибудь в лесочке и кости давно уже сгнили, столько лет прошло. Или другую нашёл...

На Лиене жалко смотреть. Её лицо покраснело, губы трясутся.

Мне бы сказать Марго, чтобы она заткнулась, но я словно язык проглотила. Не могу выдавить из себя ни слова.

— Заткнись, — орёт Лиене, сжимая кулаки так сильно, что костяшки белеют.

И я уже думаю — драке быть!

Но Лиене внезапно вдруг закрывает лицо руками, садится на корточки и начинает в голос рыдать.

Осуждающе покачиваю головой, давая понять Марго, что я с ней в корне не согласна. Подхожу к Лиене. Сажусь рядом. Глажу её по голове.

— У неё всё есть, — смотрит она на меня, — всё-всё, я все деньги им отправляю.

— Не обращай внимания, она не со зла, — киваю в сторону Марго.

Та фыркает, но подходит, садится рядом с нами.

Лиене шмыгает, вытирает слёзы рукой, вытаскивает из сумки маленькую бутылочку коньяка. Поднимает, поочередно смотрит на нас. делает глоток. Вытирает горлышко салфеткой. Протягивает мне, я отказываюсь. Поворачивается к Марго, та берёт. Ура! Можно выдохнуть.

Какое-то время сидим молча. Девчонки успокаивают нервы коньяком, я на воду смотрю. Тоже помогает.

— А ты не хотела в Италию перебраться? — спрашивает Марго, мотнув головой, после очередного глотка успокоительного.

— Хотела, нашла варианты, но всё надеялась... — замолкает, и, повернувшись к Марго, цедит сквозь зубы: — только не говори мне больше ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.